

1133-34/2005 (ноябрь)

Барышников
в Ленинграде
на премьере

Энергетика

Кармен - Н. Макарова

Спустя тридцать один год после того, как солист Кировского театра Михаил Барышников остался на Западе, в России, в издательстве "АСТ-пресс" вышла книга о нем. Автор – литератор, журналистка и фотограф Нина Аловерт, снимавшая Барышникова начиная с выпускного концерта хореографического училища, не пропускавшая его спектаклей ни в Ленинграде, ни затем в Америке. Она общалась с ним на обоих континентах, дважды специально ездила во Францию, чтобы запечатлеть его парижские спектакли. Редактором книги "Михаил Барышников: Я выбрал свою судьбу" стала историк балета и балетный критик Екатерина Белова. Ей, собственно, и принадлежит идея московского издания книги о выдающемся танцовщике. Ровно три года назад, осенью 2002 года Екатерина Белова и Нина Аловерт, к этому моменту уже неоднократно приезжавшая из Америки в Москву и Санкт-Петербург, встретились на премьере Театра Н.Касаткиной и В.Васильева "Спартак". Высказанное вслух предложение вылилось в продолжительное сотрудничество. Аловерт признается: "Я поняла, что забвение зашло слишком далеко. Но, однако, оказалось, что это очень непростая история – жить по одну сторону океана, а работать над книгой по другую. Но Катя изумительный редактор". К уже издававшейся в Америке части "Барышников в России" Аловерт специально дописала вторую – "Барышников в Америке". Презентация книги, прошедшая в Доме Актера, практически совпала с юбилеем Нины Николаевны Аловерт. Ей вручали букеты, поздравляли с "взятием Бастилии", благодарно говорили об "энергетике любви", пронизавшей книгу. Екатерина Белова показывала на видео фрагменты спектаклей Барышникова и ленинградской, и американской поры. Наталья Касаткина вспоминала атмосферу счастья на репетициях балета "Сотворение мира" в Кировском театре и шутку Барышникова уже американской его эпохи, обращенную к ней и Васильеву: "Вы не забыли, что я был вашим первым Адамом?", а следом цитировала вердикт ЦК КПСС: "Падение молодого Барышникова началось с "Сотворения мира". "Ты теперь наши глаза", – внушали друзья Нине Аловерт, эмигрировавшей в Америку спустя несколько лет после того, как там обосновался Михаил Барышников. Аловерт восприняла это напутствие отнюдь не только как фигуру речи. В этом мож-

но убедиться, читая ее новую книгу и рассматривая в ней фотографии. Текст и иллюстративный ряд образуют целое. Сергей Юрский говорит в предисловии к изданию: "Ее фотографии – не отражение спектакля, а вспышка прояснения смысла". Нина Аловерт родилась в Ленинграде, закончила исторический факультет ЛГУ, но историком не стала. Главной ее любовью оказался театр. Нина писала пьесы, ее изящное переложение сказки Андерсена для ленинградского Театра Комедии, где она работала некоторое время заведующей музеем, – "Волшебные истории Оле-Лукойе" долго держались в репертуаре, после ее отъезда в эмиграцию иния драматурга с афиш исчезло, но спектакль продолжали играть. Она стала драматургом собственной жизни и весьма талантливым. Для многих ее увлечение фотографией оказалось неожиданным. Но, кажется, именно ее первая профессия требовала фиксации того, что она считала важным, историческим. И прежде всего это касалось звезд ленинградского балета, – в первую очередь Михаила Барышникова – «символа свободы в той "империи зла", где даже его феноменальный прыжок воспринимался как полет к свободе». Историческое видение отразилось в книге

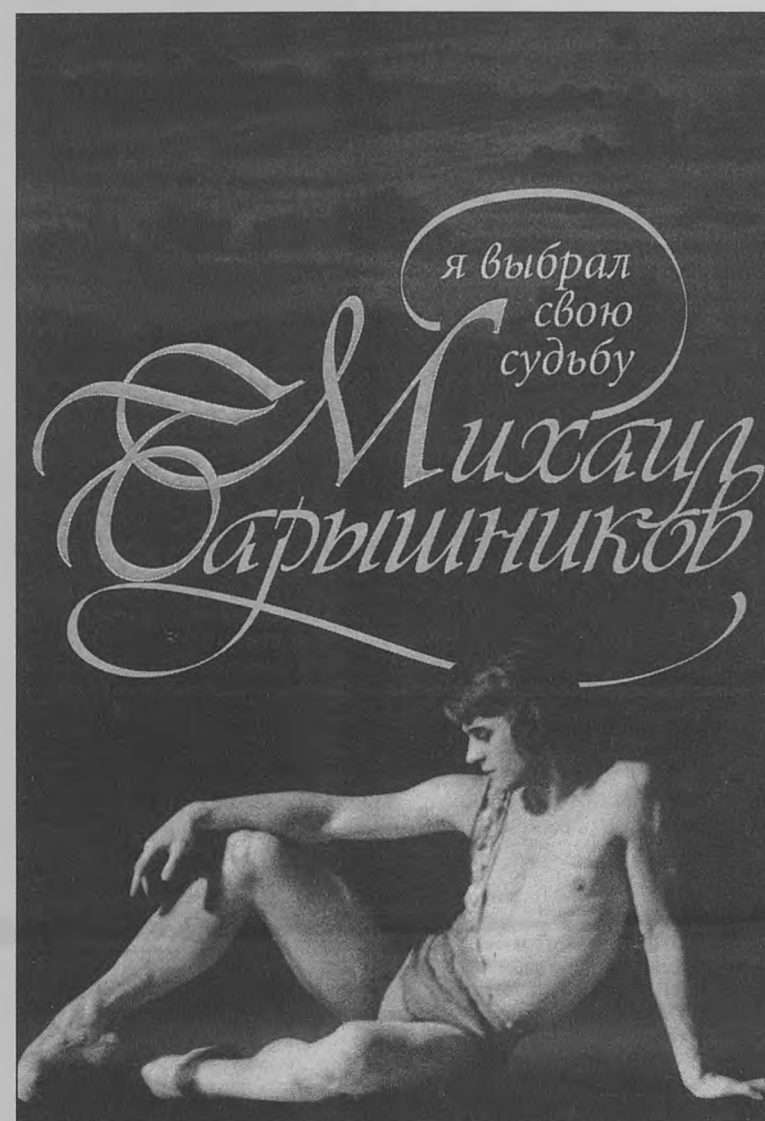
"Михаил Барышников: Я выбрал свою судьбу", события тридцатилетней давности описаны точно и беспристрастно. Вторая же часть книги "Барышников в Америке" особенно ценна, поскольку великий танцовщик, как и Иосиф Бродский (с которым Михаил был дружен) так и не решился посетить Россию. Эмиграция меняет, ломает людей. Как часто видишь человека, приехавшего на побывку в Россию только для того, чтобы убедиться: его отъезд не был ошибкой. Когда Нину Аловерт спрашивают, зачем она возвращается на родину, она отвечает: еду за любовью. Ей дан особый дар любить: друзей, искусство, дело, которому она служит. Кто знал Нину молодой, подтвердит: она мало изменилась, осталась верной себе и тем, с кем судьба свела ее много лет назад. Все так же чудесны ее улыбка, ее глаза, умеющие видеть хорошее и там, и здесь. В этом, наверняка, секрет молодости Нины, обаяния и талантливости в разных ее ипостасях. "ЭС" публикует с небольшими сокращениями главу из ее книги, рассказывающую о переломном моменте в жизни легендарного танцовщика Михаила Барышникова.

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ
Мария ХАЛИЗЕВА

Экран и сцена –

любви

29 июня 1974 года

Итак, в конце мая Барышников уехал в заграничную поездку по Канаде и Южной Америке с артистами Большого театра... Из этой поездки Барышников в Россию не вернулся: 29 июня он станцевал последний спектакль и попросил политического убежища в Канаде...

...Когда я уезжала из Союза... мне завидовали: "Какая ты счастливая, ты увидишь Мишу на сцене и наконец узнаешь, как он решил остаться на Западе и как это происходило на самом деле!"... Вскоре я увидела Мишу на сцене Метрополитен-опера. Когда открылся красный занавес с золотыми кистями, Барышников стоял неподвижно в ослепительном белом костюме, а за ним выстроился одетый в белое кордебалет. Миша стоял величественно и гордо – как король впереди своей белоснежной свиты, а напротив него также величественно застыла белая королева – Гелсин Киркланд в главе своих белоснежных фрейлин. Начинался балет "Тема и вариации" Джорджа Баланчина...

Узнала я и о событиях 29 июня 1974 года, но не от Барышникова. Тогда, в 1977 году, мне казалось, что Миша еще болезненно переживает все случившееся в его жизни... Саша Минц (в прошлом характерный танцовщик Кировского театра, еще раньше эмигрировавший – Ред.) рассказывал, что идея предложить Мише использовать такой шанс, как гастроли в Канаде, чтобы остаться на Западе, родилась в Америке. Известный балетный критик

Клайв Барнс, который видел Барышникова и в Советском Союзе в 1969 году (во время Международного конкурса артистов балета), и в Лондоне в 1970 году (во время гастролей Кировского театра), с первой встречи с танцовщиком понял, что Барышников – гений: он считал, что Мише необходимо работать на Западе. Клайв Барнс писал и рассказывал о Барышникове в Америке. В Нью-Йорке с АБТ выступала Наталья Макарова; там же работал и Саша Минц. Макарова поговорила с директором театра Лючией Чейс: Чейс решила пригласить Барышникова в труппу. Минц взял на себя миссию полететь в Канаду и встретиться с Мишей. "Но, – рассказывал мне Саша, – я предупреждал, что не буду на него давить. Такое решение Миша должен принять сам"...

По словам Саши Минца, Миша окончательно принял решение буквально за день или за два дня до окончания гастролей в Торонто – можно себе представить, как нелегко оно ему далось. Как утверждал Минц, на последних спектаклях у него даже руки дрожали, когда он поднимал балерину на поддержку. 29 июня перед заключительным концертом, в 18.30, Барышников встретился с адвокатом Джеймсом Петерсеном, подписал соответствующие бумаги. Адвокат предложил ему не возвращаться в театр. Но Миша сказал, что он не может подвести труппу и должен станцевать последний спектакль.

Боже мой, как он рисковал! Был выработан план действий. Последний раз занавес после спектакля опускался в 22.30. Ми-

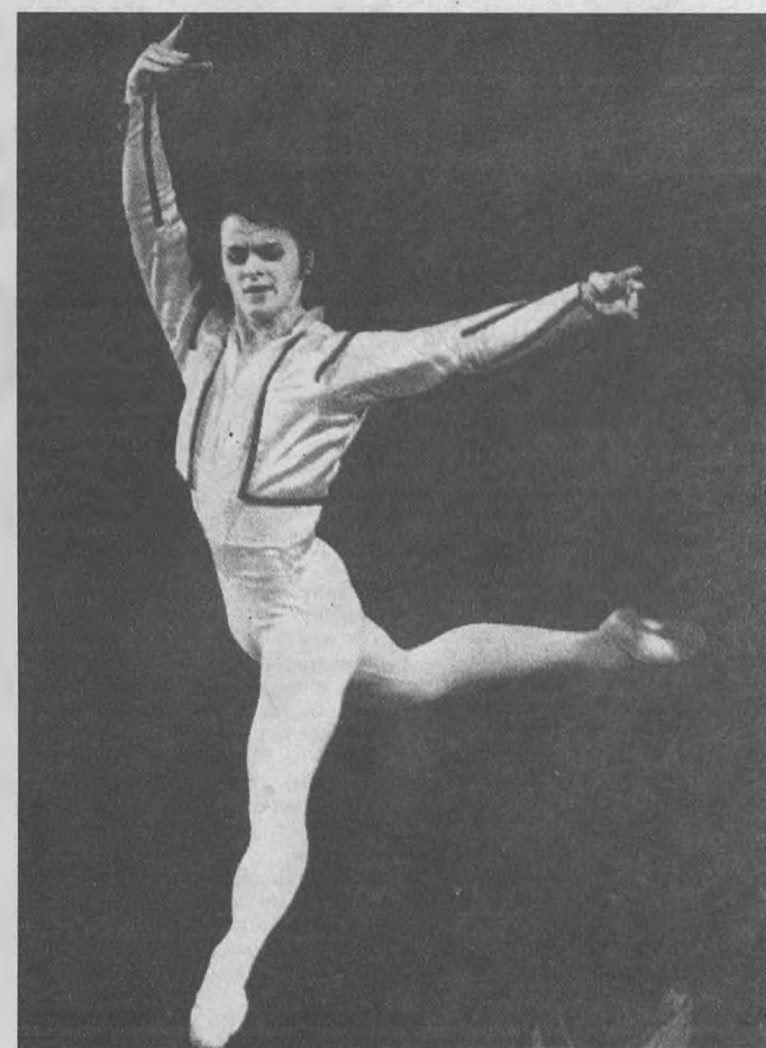
ша должен был выйти из театра и подойти к машине, стоящей в нескольких кварталах от театра. Но все пошло кривь и вкось. Из-за неисправности занавеса спектакль задержался на 15 минут. Овации продолжались дольше, чем обычно: Миша задержался на целых полчаса. После спектакля Барышникова предупредили, что он едет со всеми артистами и гостями на официальный прием. Когда Миша вышел из театра, его ожидала толпа зрителей и два агента КГБ, которые должны были отвезти его на банкет. Барышников подошел к поклонникам. Подписав несколько программ, Миша сказал им: "Извините, я должен на минутку уйти, но я вернусь". И пошел вдоль улицы. Из машины, в которой он должен был ехать на банкет, закричали: "Миша, ты куда?" – "Я хочу попрощаться с друзьями за углом", – ответил Миша и побежал. Но поклонники устремились за ним. "Это было так комично! Я начал смеяться, остановился и еще несколько раз расписался..." – рассказывал Барышников почти через 25 лет в Риге русской журналистке Ольге Хрустальной (жене своего школьного друга Андрея Кузнецова). Поклонники смеялись, а он бежал, чтобы спасти свою жизнь. Кто-то из сопровождающих труппу бросился за ним... Минц вспоминал, что Миша так волновался, что промчался мимо ожидавшей его черной машины... Машина двинулась за ним, ее дверца открылась, и Барышников вскочил внутрь. В машине его ждали друзья и официальные лица. С тревогой смотрели они в зеркало, отражавшее дорогу. Но никто их не преследовал.

Приехали на ферму вдали от Торонто. Миша страшно нервничал, пил, мешая все напитки. Позвонил Макаровой. На следующий день начал действовать.

Позднее, в одном из интервью в Америке, Барышников сказал, что его еще долго преследовал страшный сон: он бежит, а за ним кто-то гонится...

Так Миша решил свою судьбу. Теперь будущее принадлежало ему. Поэтому он говорил не раз, что ему не нравится слово "defector" (перебежчик). "Мне бы больше нравилось, если бы обо мне говорили "selector", потому что я ВЫБРАЛ, – сказал он Ольге Хрустальной. – Я был просто нормальным человеком, который пожелал поменять условия своей жизни. Я ВЫБРАЛ новое место для существования – в моем случае это было таким же естественным шагом, как переезд из Риги в Петербург".

Оформление бумаг, необходимых для переезда в Америку, заняло около трех недель. Барышников начал посещать классы канадской труппы. Ему пришлось давать интервью журналистам. В ожидании документов Миша вновь пристратился к занятию, которое раньше любил, – ловил рыбу. Это, по-видимому, успокаивало нервы. Затем он переехал в Америку и 27 июля дебютировал с Натальей Макаровой в балете "Жизель" с труппой АБТ на сцене Метрополитен-оперы. С этого вечера началась его мировая слава и та необыкновенная творческая судьба, ради которой он и попросил политического убежища в Канаде 29 июня 1974 года...

С.З.Жаппер